"У ГЕЙДАРА АЛИЕВА К ЛИТЕРАТУРЕ БЫЛО ОСОБОЕ ТЯГОТЕНИЕ..."

Беседа с народным писателем Азербайджана Эльчином

Эльмира АХУНДОВА
Депутат Милли Меджлиса, заслуженный журналист Азербайджанской Республики

...В 1975 году меня избрали секретарем Союза писателей Азербайджана. Я был самый молодой секретарь в истории Союза, мне тогда исполнился 31 год. Я являлся старшим научным сотрудником в Институте литературы имени Низами Академии наук, уже защитился, стал кандидатом наук, работал над докторской диссертацией. В 1974 году на пленуме Союза писателей Азербайджана Имрана Касумова избрали первым секретарем. И он предложил мне должность секретаря СП. Меня в то время много печатали, в том числе в Москве. В 1972 году я даже получил премию журнала "Дружба народов" за лучшую литературно-критическую статью. У Имрана Касумова было стремление к новому, он хотел оторваться от консервативного провинциализма, изменить стиль руководства, вдохнуть новую атмосферу в Союз писателей.

Конечно, это было назначение Гейдара Алиева. В советские времена первые секретари творческих союзов именно назначались - чего уж сейчас скрывать. И я думаю, что когда он его назначал, он говорил с ним о том, что надо привлечь молодых, в том числе и к руководству Союзом писателей.

За несколько лет до этого меня почти утвердили главным редактором журнала "Улдуз". Джафар Джафаров, будучи секретарем ЦК, пригласил меня в 1971 году и предложил мне стать главным редактором молодежного журнала вместо Джабира Новруза, которого избрали секретарем Союза писателей. Я с большим энтузиазмом воспринял это. Меня даже Бюро ЦК ЛКСМ утвердило. А потом надо было утверждаться на президиуме Союза писателей. В то время шла литературная борьба между сторонниками традиционной поэзии и новых тенденций, "белого" стиха и пр. Некоторые критики "нападали" на Ису Исмаилзаде и Алекпера Салахзаде, а их активно поддерживал, потом против "Белой гавани" Анара появилась статья в "Коммунисте" и было обсуждение в Союзе писателей. Я выступил в защиту Анара. Мирза Ибрагимов, при всех своих, несомненно, положительных качествах, был человеком, выросшим и сформировавшимся в сталинскую эпоху. Он симпатизировал более консервативной части членов Союза, особых вольностей не поддерживал. Так что Бюро ЦК ЛКСМ меня утвердило, а на президиуме мое дело застопорилось. Рафик Аскеров - первый секретарь ЦК ЛКСМ - потом сказал, что мою кандидатуру руководство СП не поддерживает. Вскоре ушел Джафар Джафаров, пришел Давуд Гусейнов, и вопрос о моей кандидатуре отпал окончательно.

И вот новое предложение - на сей раз секретарем Союза писателей. Гейдар Алиевич предложение Имрана Касумова поддержал. Он меня как-то слушал на одном из совещаний в начале 70-х годов. Я там выступал от имени молодых, и ему понравилось. Он об этом Гейдару Алиеву сказал. И еще Агабаба Рзаев, редактор "Коммуниста", как-то обмолвился, что Гейдар Алиев, дескать, "Elçinin yazıları xoşuma gəlir". Удивительно дело, но при всей своей огромной занятости он успевал еще и следить за литературной жизнью республики, многое читая. Когда я печатался в республиканской печати, я чувствовал какую-то ответственность при мысли о том, что "первый" это непременно прочтет.

Небольшое отступление: начало 80-х годов. У меня в "Литературной газете" вышла статья, в которой я очень резко полемизировал с российским критиком Юрием Бондаревым по проблеме национального и интернационального в художественном творчестве. Вечером мне позвонил Гасан Гасанов, который только что пришел секретарем в ЦК. Он говорит: "Гейдар Алиевич отдыхает в Крыму. Он только что позвонил мне и сказал, чтобы я передал тебе его поздравление. Он прочел твою статью, она ему очень понравилась, он считает, что ты очень верно мыслишь, и я звоню по его личной просьбе, чтобы поздравить".

Одним словом, Имран Касумов решил расширить секретариат до четырех человек. Сказал мне об этом. И через некоторое время меня вызвали к первому секретарю ЦК КП Азербайджана на беседу.

Это была первая моя личная беседа с Гейдаром Алиевичем и, конечно, я запомнил ее на всю жизнь.

Гейдар Алиев об азербайджанской интеллигенции

Он со мной тогда очень откровенно говорил. И меня поразил его национализм в хорошем смысле этого слова, то, что мы называем "millilik". Он говорил, к примеру: "В 1937 году азербайджанскую интеллигенцию подрезали под корень, уничтожили бессовестно, - он при этом часто повторял имя Гусейна Джавида, - нынешняя азербайджанская интеллигенция - это интеллигенция, сформировавшаяся в эпоху Сталина. И у нее навсегда сохранился страх. У них в произведениях гипертрофированное чувство интернационализма. Я хочу, чтобы ваше поколение было более связано с родной почвой, с азербайджанскими сказками, с азербайджанским фольклором". И еще мне запомнилось, с каким увлечением он говорил о наших писателях, что они, дескать, сохранили для народа, сберегли азербайджанский язык. "Ты, - спрашивает, - азербайджанскую школу окончил?"

"Конечно", - отвечаю. "Вот видишь. Кроме азербайджанских писателей, дети остальной интеллигенции, как правило, учились в русской школе. А ты - в азербайджанской школе, Анар - в азербайджанской школе, дети Сулеймана Рагимова тоже. Я хочу, чтобы вы, молодые, писали смело, остро, ничего и никого не боясь. Если что, обращайтесь напрямую ко мне".

В общем, он со мной так разговаривал, словно мы люди, стоящие на равных позициях, и он со мной что-то обсуждает. Я был молодым парнем, а он обращался ко мне на "вы".

Вообще все эти слова для меня было странно слышать, потому что ведь и сам Гейдар Алиев сформировался как личность в сталинскую эпоху. Но вот это чутье на новое у него было очень развито.

В октябре 1975 года состоялся пленум Союза писателей Азербайджана. Я, Гусейн Аббасзаде, Ислам Ибрагимов стали секретарями СП.

Об отношении Гейдара Алиева к писателям-шестидесятникам

Самым верным и зачастую незаменимым защитником, если хотите, покровителем азербайджанских шестидесятников был Гейдар Алиев. "Троица", о которой все тогда говорили и которая была весьма популярна в 60-70-е годы - Анар, Эльчин и Акрам Айлисли - за ней стоял Алиев. Айлисли говорит, что я такие-то вещи допускал в своей прозе, что я позволял себе такие-то вещи печатать в журнале "Азербайджан" и др. Спрашивается: ты сам по себе был что ли? Мог бы ты себе это позволить, если бы не Имран Касумов, а за ним - не Гейдар Алиев?

Мне известный российский критик Лев Аннинский говорил: "Вы что там в республике пишете? Нам бы себе позволить печатать в своих журналах крамольные вещи!"

- Почему в Азербайджане не было диссидентской литературы? Бытует мнение о том, что азербайджанская, как и в целом советская, творческая интеллигенция вышла из "шинели Сталина" и была генетически заражена бациллами страха. Поэтому она и писала о том, о чем ей разрешалось писать. А азербайджанские писатели даже "в стол" не писали.

- У нас не было диссидентской литературы в основном потому, что все свои вещи мы печатали. Многие из тех произведений, которые мы печатали с молчаливого согласия Г.Алиева в журнале "Азербайджан", не смогли бы быть опубликованными в московских журналах, ибо их посчитали бы диссидентской литературой.

О приеме писателей перед отъездом Гейдара Алиева в Москву

В 1982 году перед отъездом в Москву он принял группу писателей. Из молодых были я и Анар, затем Ильяс Эфендиев, Мирза Ибрагимов и др. Он там говорил поразительные вещи. Он, в частности, сказал: "Я принимал американского корреспондента. Он меня спросил о Южном Азербайджане. Я подумал, что если отвечу как партийный деятель, то это дойдет до Политбюро и вызовет нежелательную реакцию. А потом решил: будь что будет! И сказал то, что думал: что мы один народ, разделенный надвое, и что когда-нибудь справедливость будет восстановлена. А этот корреспондент написал и был скандал!"

Кстати, это при Гейдаре Алиевиче был введен в оборот термин "Южный Азербайджан", до этого говорили лишь о Северном Иране. На съезде Союза писателей в 1981 году он мне даже упрекнул, почему мы теме Южного Азербайджана уделяем мало внимания. Кстати, по его инициативе был увеличен штат секретарей СП, и Балаш Азероглу стал секретарем по связям с литературой Южного Азербайджана. Все это были дальновидные и продуманные шаги.

(Окончание на стр.6)

"У ГЕЙДАРА АЛИЕВА К ЛИТЕРАТУРЕ БЫЛО ОСОБОЕ ТЯГОТЕНИЕ..."

(Окончание. Начало на стр.5)

О переносе останков Гусейна Джавида на родину

На этой же встрече Гейдар Алиев вспомнил про перенос останков Гусейна Джавида, мол, сколько было противников этой идеи и сколько на меня в то время анонимок писалось! "Мне, - вспоминал Гейдар Алиевич, - даже Брежнев сказал: "Ты вот стараешься для своего народа, прах знаменитого писателя хочешь на родину перевезти, а твои же азербайджанцы забрасывают нас анонимками, называют твои поступки антисоветскими". Представляете?"

У Гейдара Алиева к литературе, к творчеству было особое тяготение. Он мне однажды сказал: "Знаешь, какое у меня было самое первое радостное событие в жизни? Когда я карандашом нарисовал портрет Толстого. И эта радость до сих пор со мной".

Общаясь с уважаемым Президентом по телефону или непосредственно, я всегда явственно ощущал - когда заходила речь о литературе, вообще о культуре в широком смысле слова, у меня создавалось впечатление, что господин Президент в эти минуты как будто отдыхает душой. Если слово "отдыхает" будет к месту среди обилия дел и проблем, которыми заполнен каждый его день.

Об уникальной памяти Гейдара Алиева

Однажды Гейдар Алиев присутствовал на правительственном банкете в ресторане "Дружба" по какому-то поводу. Помнится, он тогда прочитал наизусть стихотворение Самеда Вургуна "Азербайджан" от начала до конца. А второй раз - монолог Айдына из пьесы Джафара Джаббарлы.

Что же касается феноменальной памяти Гейдара Алиевича, то не могу не вспомнить один потрясающий эпизод: накануне юбилея Физули, который отмечался в ноябре 1996 года, я пришел на прием к Президенту для обсуждения списка гостей. Дошли до Михаила Алексеева, российского писателя. Я ему напомнил, что это, дескать, Герой Соцтруда, бывший главный редактор журнала "Москва" и т.д. А он мне говорит: "Я его хорошо помню. Когда в Баку ставилась пьеса Софронова, он приезжал вместе с ним на премьеру. Ты стоял рядом с Имраном Касумовым и Михаилом Алексеевым в партере Русского драматического театра. Потом Имран представил Алексеева, неужели не помнишь?" - "Честное слово, не припоминаю", - признался я.

Придя после работы домой и перебрав свои записи в архиве, я обнаружил, что в 1978 году в Баку действительно была поставлена одна из пьес Анатолия Софронова. Он приезжал на премьеру вместе с Алексеевым, и на этой премьере побывал первый секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев. Представляете, какая поразительная память: спустя почти 30 лет вспомнить, где, при каких обстоятельствах, в чьем присутствии произошла его вполне рядовая встреча с российским писателем. Рядовая потому, что подобных встреч в его жизни было сотни. И примеров его поразительной памяти я могу привести множество.

О характере Гейдара Алиева

Вообще это человек, я вам представляю, был внутренне одинок, в нем ощущалось даже что-то трагическое. Я на работе обычно не обедаю, хотя у нас в Совете Министров есть нечто вроде самобуфета, где все руководство может пойти и пообедать. Но я езжу всякий раз домой. А Гейдар Алиев никогда домой на перерыв не уезжал, всегда был на работе. Он пару раз мне звонил во время перерыва и, не находя на рабочем месте, звонил мне домой. Однажды он позвонил мне по прямому телефону. "Ну, как дела?" А я за десять лет совместной работы его так хорошо изучил, что по интонации ощущал, что последует за его вступительными словами, какое у него настроение, что он приблизительно спросит. Он меня спрашивает: "Ты всегда на перерыв домой уезжаешь?" - "Да, Гейдар Алиевич, всегда". - "А зачем ты в столовую не ходишь, я в свое время там для вас неплохую столовую построил. Да и у тебя прямо за кабинетом комната отдыха должна быть. Тебе туда могут обед приносить". Вижу, у него настроение хорошее, и решил свой ответ "преподнести" ему в художественно-иносказательной форме. "Если честно, Гейдар Алиевич, то когда я обедаю в каком-нибудь учреждении, мне кажется, что я заседаю наедине с обедом ("yeməklə iclas eləyirəm"). Он немного помолчал и вдруг сказал погрустневшим голосом: "Значит, я всю свою жизнь заседал с обедом. Ну ладно, до свидания!" И положил трубку.

Относительно обращения - "Гейдар Алиевич". В последние годы ему не очень нравилось, когда его называли по старой памяти "Гейдаром Алиевичем". Ему более импонировало "господин президент" или "Гейдар муаллим". Но я продолжал называть его по-прежнему "Гейдар Алиевич". Он мне однажды, когда мы были наедине, сделал замечание: "Знаешь, "Гейдар Алиевич" осталось в советском прошлом. Сейчас мы самостоятельная страна, и в обращениях по имени и отчеству, как у русских, нужда отпала". Я отвечаю ему: "Когда я называю вас "Гейдар Алиевич", мне не приходит в голову, что это на русский манер или еще как-то. Это обращение для меня стало обычным, чем-то устоявшимся, и я просто не в силах переиначить это на новый манер". После этого я продолжал к нему обращаться "по-советски", и он более никогда эту тему со мной не затрагивал.

Отношения с Гейдаром Алиевым после его отставки

Он вообще ко мне относился не так, как к другим. Я это чувствовал. Думаю, это было прежде всего уважением к моей основной профессии - писательской. Ну и потом, он всегда ценил то, что в трудный для него период - после инфаркта - я навестил его в Москве. В начале октября 1987 года я позвонил Саше Иванову, попросил связать меня с Гейдаром Алиевым. Я пришел к нему в Кремль, и у нас состоялась очень теплая встреча. Потом мы с Сергеем Баруздиным отправились в поездку в Германию. Всю дорогу он мне расхваливал Гейдара Алиевича, говорил о том, какой он прекрасный человек и пр. Будучи в Германии, мы услышали о том, что Гейдар Алиев ушел в отставку. И наутро Баруздин в той же Германии стал вовсю критиковать Алиева, отзываться о нем крайне негативно. Вот такая стремительная метаморфоза.

Мы вернулись в Москву 25 октября. Захожу я в гостиницу "Москва", и первый, кто мне попадается навстречу, - это академик Эльдар Салаев. И первое, что я сказал ему, было: "Эльдар, вот увидишь, первыми начнут [illegible]". Наутро я позвонил Гейдару Алиевичу. Справился о его здоровье. И сказал: "Я вас всегда уважал, но после этого мое уважение возросло вдвое. Если смогу быть вам чем-то полезен, можете на меня рассчитывать". Он поблагодарил и добавил: "Не переживай за меня, должность - это ведь штука переменчивая, сегодня есть, завтра - нет".

Потом, в начале 90-х годов, когда он уже жил в Нахчыване, у меня появилось эссе в газете "Айдынлыг" о нем. И Рамиз Ровшан отвез это эссе ему в Нахчыван. Там есть одно место о том, как в 1985 году на ВДНХ проходила московская книжная ярмарка. Гейдар Алиев как член Политбюро должен был ее открывать. Я присутствовал на открытии от Союза писателей. Помню, мы все ждали приезда Алиева, и вот наконец его машина появилась. Из толпы встречающих отделился заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Александр Яковлев, будущий "идеолог" перестройки и почти бегом, прихрамывая, бросился открывать дверь алиевской машины. Мне этот эпизод отчетливо врезался в память, и я часто вспоминал о нем в период, когда Алиева травили, особенно в центральной печати, которую этот самый Яковлев курировал...

А потом Гейдар Алиев вернулся в Азербайджан и через три года возглавил страну. И я счастлив, что мне довелось жить, уже в другую эпоху, в новых исторических условиях, работать в его команде...